

С. Т. Мамедова
Россия, Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.ф.н., профессор Г.П. Козубовская

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЕДЫ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Исследователи романа И.А. Гончарова «Обломов» расходятся в трактовке семантики еды и ее функций, и это связано с наличием двух тенденций в стиле писателя. С одной стороны, раблезианская традиция (и негативная семантика еды: «...семантическое поле “еда” создает соответствующий исторический фон для функционирования персонажей; именно через эти единицы очерчена эволюция главного героя – Обломова – в материальной и в духовной сферах» [8, с. 243]). С другой – фламандская (в мотиве “еды” обозначается жизненная философия обломовцев» – радость жизни, наслаждение ею, а реализация мотива еды переводит действие романа с бытового уровня на бытийный» [4, с. 137], т.к. смысл фламандства «заключается в уравнивании, тесной связи, единстве человека и окружающего мира» [3, с. 50-51]).

Тем не менее, мотив еды остается недостаточно проясненным в романе. Настоящая статья продолжает наше исследование, заявленное в одной из публикаций [6]. Мотив еды включает упоминания трапез (*чаепития, обеды и ужины* в доме на Гороховой большей частью так и остаются несостоявшимися: гости, как правило, спешат по своим делам; гости расписаны по дням недели: «Тарантьев *обедать* придет: сегодня суббота» [2, с. 35], неудовольствие доставляет Обломову свидание с Ольгой: «И в самый обед: нашла время! – думал он, направляясь, не без лени, к Летнему саду» [2, с. 333]), пространственных локусов (трактир), блюд, продуктов питания и т.д. Гастрономический мотив определяет календарь Обломова: переезды из города на дачу отмечены весенним привозом *устриц и омаров*. В «сновидном» бытии Обломова всегда присутствует еда: «...за самоваром сидит... царица всего окружающего, его божество... женщина! жена! ...все садятся за *обильный ужин*... Она ждет меня. “Чай готов”, – говорит она... Сажусь около стола; на нем *сахари, сливки, свежее масло*... и так блаженствовали бы вплоть до *окрошки и бифштекса*» [2, с. 181]. Преизбыток еды в романе становится признаком идиллии, корни которой в Обломовке. Подробное описание ритуалов в доме Пшеницыной – знак осуществления этой идиллии.

В романе Гончарова существенную роль играют различные напитки – квас, смородиновая водка и т.д. С. Ларин, отметив, что «...в “Обломове” квас присутствует только в наименее динамичной 1-й части романа...», то есть сопровождает Илью Ильича до момента его вхождения в основное

повествование» [5, с. 14], рассматривает квас в семантическом ряду «кислого» [5, с. 14-15]: квас – кислая капуста – кислое вино, где «кислый» – признак скатывания Ильи Ильича в «мещанство» и бедность» [5, с. 14]:

На наш взгляд, «квас» обладает более широким спектром значений.

Особенно это очевидно в эпизоде перебранки с Захаром. Квас сопровождает размышления, вызывающие ассоциативные картины существования «другого» («...голь окаянная, грубый, необразованный человек, живет грязно, бедно, на чердаке... Трескает-то он картофель да селедку...» [2, с. 93]). Повторные просьбы о квасе («Дай еще квасу») – знаки ненасытимой жажды, спровоцированной ворчанием слуги: «В горле совсем пересохло: сам бы догадался – слышишь, барин хрипит? До чего довел!» [2, с. 96].

«Квас» сходен по действию с алкоголем, вынуждая выплескивать содержимое души.

Напитки становятся в романе инструментом искушения и обмана. Так, «двойное бытие» Мухоморова проявляется в отношении к спиртному: спрятанное вино замаскировано графином смородиновой водки на столе. В ситуации задуманного мошеннического плана – бутылка рому: «Чистейший ямайский, – сказал Иван Матвеевич, наливая дрожащей рукой себе в стакан рому, – не побрезгуй, кум, угощением» [2, с. 367]. Так мошенники празднуют свою будущую победу над Обломовым. Экзотическая выпивка вводит пиратский мотив, хмель связан с чертом, так две темы – разбойничья и демоническая, смыкаясь, несут семантику преступления, беззакония, самоуправства, мошенничества. Усилиями Затертого надеются еще и на магарыч. План обдумывается на Ильин день, и бутылка рому из заведения («это не ром, а гвозди!») [2, с. 398]) подменяется своей, вынутой из кармана пальто. «Гвоздь» вводит тему боли в колюще-режущем варианте. Мотив замещения имеет символический смысл: подмены, подосланные кухарки, поставной приказчик и т.д. – все идет в ход с целью обмана.

В архетипическом сюжете искушения Обломова присутствует водка.

Но гибель Обломова запрограммирована уже семантикой имени: фамилия «Пшеницына», с одной стороны, связана с алкоголем (основа водки – пшеница, неслучайно один из сортов ее так и назван – «Пшеничная»), с другой стороны, с хлебом; хлебный мотив – один из наиболее важных мотивов в романе. Этот мотив, несущий в себе семантику жизни и смерти, – сопровождает существование Обломова в доме Пшеницыной. Так, доктор, осматривающий Обломова, дает ему совет: «Пищи мясной и вообще животной избегайте, мучнистой и студенистой тоже» [2, с. 87].

Хлебный мотив обрамляет две любовные истории. Так, в ситуациях с Ольгой он всегда приобретает комический характер. В «дачном тексте» нет подробного описания ритуалов, исключение составляет эпизод с сухарями, где Обломов стал предметом насмешек. Хлеб фигурирует в эпизодах, ведущих линию угасания чувства Обломова к Ольге. Так, придурковатый Захар («...когда он ходил в булочную, так встретил барышню» [2, с. 232]) становится

символическим вестником будущего разлада, с головой выдав Обломова: «Я сказал, что дома, и ужинали, мол, дома. “А разве он ужинает?” – спрашивает барышня-то. Двух цыплят, мол, только скушали...– Дур-р-р-ак! – крепко произнес Обломов. – Что за дурак! разве это неправда? – сказал Захар. – Вон я и кости, пожалуй, покажу...» [2, с. 233]. Начало конца отношений: трактир, где Обломов наспех пообедал, не желая трапезничать у Ольги, стал знаком угасающей любви. Трактир здесь – промежуточный локус, «уход в трактир» интерпретируется как предвестие будущего бегства. «Шампанским» [1] в романе скреплены параллельные эпизоды, имеющие судьбоносное значение – эпизод известия о свадьбе Ольги и Штольца и решение о перемене места жительства: «постоялого двора» на женский порядок.

В мотиве искушения едой как бы анаграммируется имя хозяйки-искусницы, постепенно обволакивая Обломова: «кофе все такой же славный, сливки густые, булки сдобные, рассыпчатые» [2, с. 318], хозяйский пирог на пробу, «...у них пекли ватрушки. Подали ватрушки и рюмку смородиновой водки» [2, с. 340]. В эпизоде соблазнения Обломовым Пшеницыной присутствует еще не приготовленное пирожное: «Смотрите, просыплю корицу; вам же нечего будет в пирожное положить, – заметила она» [2, с. 390]. В этом эпизоде – пересечение полярных смыслов: «пирожное», с одной стороны, – символ «сладкой женщины», «лакомый кусочек», с другой – «лошадиный хомут» – метафора супружества: «...сказала она, не удивляясь, не смущаясь, не робея, а стоя прямо и неподвижно, как лошадь, на которую надевают хомут. Он слегка поцеловал ее в шею» [2, с. 390]. Упоминаемое «пирожное» отсылает к Обломовке, Захар вспоминает: «У нас в Обломовке этак каждый праздник готовили... Бывало пять пирожных подадут, а соусов что, так и не пересчитаешь! И целый день господа-то кушают, и на другой день. А мы дней пять доедаем остатки. Только доели, смотришь, гости приехали – опять пошло...» [2, с. 391].

История возвращения Обломова в обетованную землю очерчена хлебным мотивом. Но «плотское» в хлебном мотиве приобретает особый смысл: пигмалионовский сюжет переигран, Пшеницына, полюбив Обломова, одухотворяется. Так, хлебный мотив обретает высокий смысл христовой жертвы.

«Смородиновая водка» появляется в сцене обеда со Штольцем: «Илья Ильич выпил две рюмки смородинной водки, одну за другой, и с жадностью принялся за баранину» [2, с. 441]. Замещение хорошего вина (вино – знак хорошего тона) смородиновой водкой – недобрый знак для Штольца: «Штолец с изумлением поглядел на него, но промолчал» [2, с. 441]. Поглощение водки развязало Обломову язык: «...Да выпей, Андрей, право выпей: славная водка! Ольга Сергевна тебе этакой не сделает! – говорил он нетвердо. – Она сплет Casta diva, а водки сделать не умеет так! И пирога такого с цыплятами и грибами не сделает! Так пекли только бывало в Обломовке да вот здесь!...» [2 с. 442]. Почти пародийно разыграны пушкинские строки: «Мой идеал теперь

хозяйка, ... да щей горшок, да сам большой» [7, с. 203]. Так, в хлебном мотиве сомкнулись две истории любви, и «пирог» Пшеницыной «перекрыли» музыку Ольги. Хлебный мотив прочерчивает судьбы персонажей: лишенный куса хлеба после смерти Обломова Захар спасен Штольцем.

«Валтасаров пир» имени превращается в кулинарное состязание. Так, на обеде у Мухтоярова: огромная форель, фаршированные цыплята, перепелки, мороженое и отличное вино. Обед Обломова, в котором он старался блеснуть тонкостью и изяществом угощения, неизвестными в этом углу, был таков: «Вместо жирной кулебяки явились начиненные воздухом пирожки; перед супом подали устриц; цыплята в папильотках, с трюфелями, сладкие мяса, тончайшая зелень, английский суп. Посередине стола красовался громадный ананас, и кругом лежали персики, вишни, абрикосы» [2, с. 392].

Однако цена всех этих пиров оказалась огромной: так входит мотив продажи души – жемчуг, фермуар, серебро, потом салоп – в обмен на спаржу, рябчики и т.д.: «Как вдруг этот барин, – разбирала она, – станет кушать вместо спаржи репу с маслом, вместо рябчиков баранину, вместо гатчинских форелей, янтарной осетрины – соленого судака, может быть студень из лавочки...» [2, с. 430]. Умоляя родню дать ей денег, говорила о любви Обломова к французскому горошку.

Закономерна смерть Обломова перед завтраком: она вписана в ритуал. Так обыгран фразеологизм – «смерть пожирающая». Символичен и жест умершего Обломова, – рука, прижатая к сердцу.

Список литературы:

1. Вискочков, Л.В. Шампанское в культуре Петербурга в XIX-начале XX в. / Л.В. Вискочков // Петербург в мировой культуре: Сб. статей. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2005. – С. 147-155.
2. Гончаров, И.А. Обломов / И.А. Гончаров // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 33-336.
3. Краснова, Е. Фламандский стиль Обломова: мотив «еды» и его функции в романе «Обломов» / Е. Краснова. – М.: Первое сентября, 2000. – С. 50-51.
4. Краснова, Е.В. Специфика повествовательной структуры романа И.А. Гончарова «Обломов». Дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Краснова. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т им. С.М. Кирова, 2003. – 175 с.
5. Ларин, С.А. Семантическая структура романа «Обломов» в контексте творчества И.А. Гончарова: автореферат дисс.канд. филол. наук / С.А. Ларин. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2008. – 21 с.
6. Мамедова, С.Т. Водка, мадера, шампанское и бесовский ром в романе И.А. Гончарова «Обломов» / С.Т. Мамедова // Материалы студенческой научной конференции по техническим, социально-гуманитарным и экономическим наукам. – Семей: Государственный университет им. Шакарима, 2014. – С. 186-187.

7. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. V. / А.С. Пушкин. – М.: изд-во АН СССР, 1957. – 638 с.
8. Филиппова, Е.В. Функционирование топоса «еда» в романе И.А. Гончарова «Обломов» / Е.В. Филиппова // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века : науч.-метод. семинар «Textus». – СПб.; Ставрополь, 2001. – Вып. 6. – С. 240-244.

Е. Т. Глазинская
Казахстан, Семей
Государственный университет им. Шакарима
Научный руководитель канд. филол. н., доцент К. А. Рублёв

**ОПЫТ РЕШЕНИЯ ОБЩЕЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАДАЧ В ШКОЛЕ С
ОПОРОЙ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ЛИТЕРАТУРУ
(концепт урока на тему «Ф.М. Достоевский в Семипалатинске» с
использованием стихотворения А. Г. Кузнецова «Дорога»)**

В настоящее время остро стоит проблема изучения региональной литературы в школе. И хотя она входит в программу, часов под нее отводится совсем немного, поэтому учителю нужно искать новые пути введения регионального компонента в школьный урок. Один из способов решения этой проблемы – изучение историко-литературных разделов программы (например, биографии Ф. М. Достоевского) с опорой на региональную литературу (стихотворение А. Г. Кузнецова «Дорога»). Наша работа преследует двуединую цель – через творчество поэта семипалатинского региона, Александра Кузнецова, обратиться к теме пребывания Федора Михайловича Достоевского в Семипалатинске.

А. Г. Кузнецов – один из видных семипалатинских поэтов. Александр Геннадьевич родился 13 мая 1953 года в Семипалатинске. Его поэзия тесно связана с родным городом. Вот уже почти сорок лет имя Александра Геннадьевича можно встретить на страницах местных и республиканских газет и журналов, таких как «Простор», «АқЕртiс – Иртыш», «Рудный Алтай», «Огни Прииртышья», «Голос народа», «Спектр», «Семипалатинские вести», «Алаш-Орда», «Слово» и др. А. Г. Кузнецов – историк по образованию, им он остается в своем творчестве. Доказательство этому – множество стихотворений на историческую тему: «Первый гунн», «Абай», «Вчера. Сегодня. Завтра...», «Два батыра», «Павлу Васильеву» и др. В стихотворении «Дорога» он тоже мыслит не только как поэт, но как литератор, запрограммированный на историческое восприятие реальности.

Стихотворение «Дорога» посвящено знаменательной для города дате – в 2004 году исполнилось 150 лет со дня прибытия Федора Михайловича Достоевского в Семипалатинск. Ф. М. Достоевский пробыл в Семипалатинске